

М. Ч. Ларионова, А. Р. Лисица
**СЕВЕР И ЕГО КОЛОНИЗАЦИЯ
В РОМАНЕ В. А. КАВЕРИНА «ДВА КАПИТАНА»***

doi: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-43-51

УДК 82-31 ББК 83.3(2)

В статье рассматривается тема советского освоения Севера в романе В. Каверина «Два капитана». Используя прием «скольжения», как его называет сам писатель, он сосредоточивает внимание не на исторических событиях, а на судьбах героев. Поиски экспедиции капитана Татаринова, начавшиеся со стремления Сани Григорьева доказать свою правоту в вопросе о причинах гибели шхуны «Святая Мария», приводят к осмыслению значения Арктики для всей страны. Коренные жители Севера и «колонизаторы», то есть новые поселенцы, изображены как один народ. Идеальный герой эпохи представлен в образе Володи, сына доктора Ивана Иваныча, — это советский гражданин, малая родина которого — новый северный город. Главными достоинствами уже освоенных северных территорий являются не столько цивилизованный быт, сколько просвещение и культура. Представители коренных народов, ненцы и эвенки, становятся для главных героев друзьями и помощниками в поисках экспедиции «Святой Марии». Жизнь Севера условно разделяется на два этапа — дореволюционный и советский, подчиняется системе оппозиций «тогда — теперь», «старое — новое». Особенное внимание Северу уделяется во втором томе романа, повествующем о событиях Великой Отечественной войны. Военная тема неразрывно переплетается с северной, поскольку во время войны героями в полной мере осознается стратегическая важность Арктики. Таким образом, освоение Севера в романе «Два капитана» представлено В. Кавериним как положительный процесс, способствующий приращению территорий, объединению народов и укреплению государства. Важная роль в этом отводится идеологии просвещения, позволяющей органично соединить цивилизацию и природу.

Ключевые слова: В. А. Каверин, «Два капитана», колонизация, Север, коренные народы, Великая Отечественная война

Роман В. Каверина «Два капитана», любимый многими поколениями читателей, повествует о многолетних поисках пропавшей полярной экспедиции шхуны «Святая Мария» и ее капитана И. Л. Татаринова, которые ведет сначала мальчик, а потом полярный и военный летчик капитан Саня Григорьев. Главным противником Сани становится брат капитана Татаринова Николай Антоныч, по чьей вине погибла экспедиция. Важное место в структуре романа занимают образ и тема Севера. По замечанию Д. Л. Быкова, Север перестает

мыслиться абстрактной географической областью и становится самостоятельным героем «Двух капитанов».¹

На первый взгляд, кажется, что Север появляется в «Двух капитанах» только в тот момент, когда Саня становится летчиком в Заполярье: здесь и суровые северные пейзажи, и дружелюбные ненцы, и перспективный строящийся северный город. Но «свет арктических звезд»² озаряет Саню еще в его детские годы, не исчезает и в юношеские, остается с ним на всю жизнь. Даже в повествовании о событиях, случившихся в совсем «несеверных» городах — Энке (в котором узнается родной для писателя Псков) и Москве, проявляется северная тема. В начале повествования, когда Саня только знакомится с семьей Татариновых и Катя показывает ему компас отца, он замечает, что, «куда ни повернешь чашечку, хоть вверх ногами, все равно стрелка качается и одним концом с якорем показывает на север».³

Ларионова Марина Ченгаровна — д.филол.н., заведующая отделом гуманитарных исследований, ФИЦ Южный научный центр РАН (г. Ростов-на-Дону)
E-mail: larionova@ssc-ras.ru

Лисица Алла Романовна — специалист Проектного центра по сопровождению научно-инновационной деятельности, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)
E-mail: aldolgorova@sfdedu.ru

* Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, проекта № 122020100347-2

¹ См.: Быков Д. Л. Север как главный герой // Энциклопедия романа «Два капитана». М., 2019. С. 7.

² Каверин В. А. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1981. Т. 3. С. 429, 430.

³ Там же. С. 85.

Спустя несколько лет, когда Саня принял твердое решение во что бы то ни стало разыскать пропавшую экспедицию, окажется, что «морской компас по-прежнему стоял на своем месте, и стрелка по-прежнему показывала на север».⁴ Судьба Сани Григорьева на протяжении всего романа неразрывно связана с Арктикой, которая станет для Сани и Кати пространством жизненного пути и местом продолжения истории капитана Татарина.

Советское освоение Севера можно рассматривать не только как «переселение людей в колонии», но и как «стратегию контроля над осваиваемым пространством» — так характеризует такую форму колонизации антрополог А. В. Головнёв, предлагая «смотреть на события не с высоты сегодняшнего дня, а глазами людей, в них участвующих».⁵ Исследователь отмечает, что оценочный компонент в понимании феномена колонизации реализуется двойственно: с одной стороны, «в тоне осуждения колониализма как подавления самобытности колонизируемых народов», с другой стороны, «в идеологической риторике, представляющей колонизацию (“присоединение”, “освоение”) прогрессивным явлением, несущим покоряемым народам просвещение и приобщение к цивилизации».⁶ Кажется, что задаваться вопросом о том, какой предстает колонизация Севера в образцовом советском романе, нецелесообразно, ведь принадлежность каверинской прозы к соцреализму говорит сама за себя. Помня о существовании феномена реального в литературе как отклика на человеческую «потребность изобразить эмпирию своего существования», признаки которого в литературном произведении существуют в разных эпохальных стилях и «присутствуют... в разрозненном виде и всякий раз служат целому, познающему мир, исходя из иных, нереалистических воззрений»,⁷ мы задаемся вопросами о том, какой колонизацию Севера увидел герой-рассказчик и каким образом автору удалось воплотить эту точку зрения в художественном тексте.

В книге воспоминаний «Эпилог» в главе с говорящим названием «Один день 1937 года» Каверин упомянул о работе над «Двумя капитанами», так охарактеризовав повседневность того времени, в которой соединились «гроз-

ные случайности, унижительный страх», «беспрерывное напряжение» и быт: «Шум был связан с освоением Севера — исторической задачей, намеченной еще Менделеевым и не нуждавшейся в шуме. Был ли он устроен, чтобы заглушить стоны, — или бесчисленным добротам было поручено показать, какие беспримерные задачи способен поставить и решить Советский Союз? Трудно сказать».⁸ Так будет думать автор «Двух капитанов». А вот что скажет главный герой романа: «Это были годы, когда Арктика, которая до сих пор казалась какими-то далекими, никому не нужными льдами, стала близка нам, и первые великие перелеты привлекли внимание всей страны».⁹

Общественный интерес к освоению Арктики в Советском Союзе в 1930-е гг. найдет отражение и в романе. Катя Татарина, вспоминая подготовку к так и не реализованной попытке организовать поиск шхуны «Святая Мария», будет рассуждать о тех, к кому применимо выражение «заболеть Севером». Заболевшие Севером постоянно приходят к Сане в надежде попасть в арктическую экспедицию: «Приходили мальчики, просившие, чтобы Саня устроил их на “Пахтусове” кочегарами, коками — кем угодно. Приходили честолюбцы, искавшие легких путей к почету и славе; приходили бескорыстные мечтатели, которым Арктика представлялась страной чудес и сказочных превращений».¹⁰

Освоение Севера было связано не только с тяжелыми природными условиями и бесконечными арктическими пространствами, но и с людьми, исконно их населявшими. Отношения между властью и ненцами в период советской колонизации Севера складывались сложно. По сведениям Д. П. Беляева, напряженность между русскими поселенцами и ненцами достигала в то время пика: в результате конфликта в некоторых случаях возникали только одноэтнические поселения. «Из тех становищ, где численно преобладало русское население (Малые Кармакулы, Красино), наблюдался уход ненцев в места, где русских было мало или совсем не было. И наоборот, в становищах с преобладанием ненцев (Маточкин Шар, Ольгинское) “очень выпукло проявляется стремление выжить русских”»,¹¹ —

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 9.

⁶ Там же.

⁷ Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. М., 1987. С. 10.

⁸ Каверин В. А. Эпилог. М., 2006. С. 240.

⁹ Он же. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. С. 243.

¹⁰ Там же. С. 419.

¹¹ Беляев Д. П. Архипелаг Новая Земля в XIX — первой трети XX века: государство и освоение // Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 176.

пишет исследователь. И. Л. Набок, отмечая и положительные социалистические преобразования, которыми он считает улучшение быта и условий жизни коренного северного населения, повышение уровня образования и появление письменности, пишет о результатах политики тотальной идеологизации: «Всякая реакция местного населения на неумелое управление, злоупотребления власти на местах, неразумные, неэффективные экономические меры рассматривались как антисоветские, преступные действия, происки “классового врага” и беспощадно каралась».¹² Автор упоминает о нескольких значимых событиях сопротивления, среди которых таймырское восстание 1932 г., казымские волнения 1931–1934 гг., ямальская мандалада 1934 г.

В то же время откликом на активизировавшийся процесс колонизации стало появление в литературе и публицистике мессианской просветительской задачи, оказавшейся, по мнению К. С. Соколова, «вполне сопоставимой с цивилизаторским “бременем белого человека”».¹³ Центральное место на страницах газет и журналов занимает тема освоения Севера, где первооткрыватель арктических территорий — это профессия будущего. В советской поэзии к началу 1930-х гг. появляется образ героя-цивилизатора, выдержанный в традициях киплинговской неоромантики. Л. Бугаева считает, что в культуре этого времени возникают два устойчивых образа: «героя — первопроходца и покорителя Севера, полярного летчика или полярника-зимовщика, и врага, которым оказывается сам Север, труднодостижимый, опасный, неприветливый».¹⁴ Каверинский Саня Григорьев, несомненно, принадлежит к таким героям-первопроходцам, а наряду с остальными персонажами романа, дружащими с ненцами и «приносящими» цивилизационные блага на северные советские территории, тоже напоминает о литературной традиции, но не о киплинговской, а куперовской: романтика остается той же, только вместо индейцев — ненцы, вместо североамериканских прерий — арктические пустыни.

¹² Набок Л. И. Арктика и арктические народы в романе В. А. Каверина «Два капитана» // Энциклопедия романа «Два капитана». М., 2019. С. 452, 453.

¹³ Соколов К. С. Герой азиатского фронта в советской поэзии конца 20–30-х годов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 4. С. 124.

¹⁴ Бугаева Л. Арктический миф в советской культуре 1930-х годов и его возрождение // Звезда. 2018. № 8. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3349> (дата обращения: 10.06.2023).

На что Каверин мог опираться в условиях узаконенного соцреализма? Удивительно, но писателю помогли эстетические принципы известного литературного объединения «Серрапионовы братья», активным участником которого Каверин был в начале 1920-х гг. О. И. Новикова и В. И. Новиков, характеризуя серрапионовский период в жизни Каверина, акцентировали внимание на том, что его участие в этом литературном объединении стало важным фактором в формировании творческих принципов писателя, где появляется «ощущение многогранности, неисчерпаемости возможностей литературы».¹⁵ Считая романтические искания важнее жизнеподобия, Каверин отдает дань своей писательской юности: «Так или иначе, флаги романтики были подняты над этой реальностью — быть может, иллюзорные, но ведь иллюзии не мешают правде искусства. Иллюзии если не необходимы, так по меньшей мере достаточны, чтобы написать полезный роман. <...> В те месяцы и годы, когда несправедливость, недоверие, предательство таились за каждым углом, так важно было воспользоваться объявленными, пусть даже номинально, понятиями благородства и чести».¹⁶ Сравним с этой цитатой отрывок из программной статьи Л. Н. Лунца «Почему мы Серрапионовы Братья»: «Мы верим, что литературные химеры особая реальность, и мы не хотим утилитаризма. <...> Искусство реально, как сама жизнь».¹⁷ Как оказалось, романтический принцип «Серрапионов» созвучен эстетической позиции вполне зрелого писателя Каверина и необходим для соцреалистического искусства в каверинском его преломлении.

Сам писатель признавался, что использовал в романе прием «скольжения»: повествование сосредоточено не на исторических событиях, а на судьбах героев на фоне истории. А организуя началом становится идея справедливости. Ю. К. Щеглов отмечал, что метод ретроспективного повествования, активно используемый В. А. Кавериным в «Двух капитанах» и «Открытой книге», позволяет показывать историю в субъективном ключе, избегая ее проблемных мест и сглаживая острые углы: «Исторический план, таким образом, дистанцирован от рассказчика, помещен в перспективу,

¹⁵ Новикова О. И., Новиков Вл. И. В. Каверин: Критический очерк. М., 1986. С. 10.

¹⁶ Каверин В. А. Эпилог. С. 240.

¹⁷ Литературные манифесты: от символизма до «Октября». М., 2001. С. 312.

и притом сразу на двух уровнях — пространственном (как нечто, хотя и имеющее к нему кровное отношение, но совершающееся где-то “там”) и временном (как ретроспективное по отношению к “часу самого рассказа”), что во многом и определяет нарративный режим повествования, философско-эпический и лирико-ностальгический одновременно».¹⁸

Субъектная организация повествования повышает уровень доверия читателя к изображаемому в художественном тексте событиям, акцентирует внимание на индивидуальной траектории развития героя. Несмотря на это, узнавая биографию Сани от него самого (с редкими перебивками в некоторых главах на рассказ от лица Кати), внимательный читатель обязательно обратит внимание на социальные и политические факты, оговоренные или упомянутые рассказчиком. Поэтому то, чем живет Север, как он изменяется (и как его изменяют), читатель узнает вместе с тем, как развивается судьба Сани.

У Каверина цивилизаторская миссия оказывается возложенной не на главного героя, а на его «волшебного помощника» — доктора Ивана Иваныча Павлова, благодаря которому Саня Григорьев обретает способность говорить. Именно Иван Иваныч становится проводником для Сани в чужом пространстве: как в экзистенциальном смысле — в пространстве жизни, так и в географическом — в пространстве Севера. Само появление Ивана Иваныча ассоциируется у Сани со стужей и морозом: доктор появляется внезапно, когда «в трубе завыл ветер», и описывается как «высокий бородатый человек в полушубке, в треухе, такой замерзший», с белым от холода носом. В первый раз посетив Ивана Иваныча, Саня еще задолго до начала северного этапа своей жизни видит кожаные перчатки и странные красивые меховые сапоги. Символично, что перед отъездом за полярный круг Иван Иваныч дарит Сане этот северный атрибут — «кожаные перчатки, старые, но еще очень хорошие, застегивающиеся на ремешок»,¹⁹ будто бы догадываясь, что когда-то Саня обязательно окажется в северных краях.

Именно семья Павловых выполняет и для Сани, и для читателя функцию условного путевода по Северу. Сам Иван Иваныч приезжает в Заполярье, где у него «осталась не-

веста», с первым пароходом. Женой доктора становится коренная жительница севера — поморка Анна Степановна из известной морской семьи, «высокая, полная женщина», которая кажется Сане «похожей в своей малице и пимах на какого-то северного бога»²⁰ и пользуется большим уважением у ненцев.

Особенное значение в раскрытии северной темы приобретает образ сына Ивана Иваныча Володи — скромного, честного юноши, в котором объединились лучшие черты героя-цивилизатора и уже коренного жителя Крайнего Севера. Володя любит край, в котором живет, ощущает себя органичной его частью. Он превосходно управляет собачьей упряжкой, предпочитая нарты лыжам, в отличие от Сани, которому такой вид транспорта кажется непривычным и страшным: «Как настоящий ненец, он бодро крикнул “хэсь!”», когда мы уехали на нарты, — и собаки помчались».²¹ Ненцы делают ему бесценный в их культурном измерении подарок — упряжь, украшенную пластинками из мамонтовой кости.

Образ Володи рифмуется и с образом Заполярья, современным, новым, шумным и перспективным городом на Крайнем Севере, в котором угадывается Игарка. В образе города органично соединяется передовое советское с традиционным северным: «...случается, что по улице одновременно двигаются, перегоняя друг друга, автомобили, олени, лошади и собачьи упряжки».²² Только в Заполярье можно наблюдать, «как перед глазами проходит вся история человечества, начиная с родового строя и кончая социалистической культурой».²³

Промышленный и быстро растущий город-порт ведет культурную жизнь, в которой Володя — его первый коренной житель — принимает активное участие: «К нам в прошлом году приезжал МХАТ, — сказал Володя и покраснел. — Мы их встречали с цветами. Они удивлялись, откуда у нас цветы, а у нас сколько угодно».²⁴ В школе Заполярья висит плакат с цитатой Горького, который изображается немного похожим на ненца. В новом управлении аэропорта по вечерам читают Вольтера, настолько популярного в этом городе, что его книги цитируют в стенгазетах. Просвещение

²⁰ Там же. С. 259.

²¹ Там же. С. 269.

²² Там же. С. 274.

²³ Там же. С. 392.

²⁴ Там же. С. 251.

¹⁸ Щеглов Ю. К. Проза. Поэзия. Поэтика. Избранные работы. М., 2011. С. 442.

¹⁹ Каверин В. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. С. 113

является исключительно важной культурной составляющей в миропонимании писателя: «Я инстинктивно стремлюсь (и всегда стремился) к задаче Просвещения... идол Просвещения всегда будет стоять перед глазами подлинных литераторов».²⁵ Эта позиция проявляется и в романе. Каверин видит главный успех колонизации не столько в улучшении быта местного населения, сколько в его приобщении к культуре: в новой северной жизни есть место для науки, чтения книг и газет, театра и творчества.

Володя оказывается талантливый молодым человеком: он увлечен поэзией. Читатель знакомится только с одним литературным опытом молодого поэта, и он посвящен северным реалиям:

Эвенек Чолкар приезжает из школы домой.

Луною улыбка блестит в его узких глазенках.

Быстро с нарт соскочил он и радостно машет рукой,

— В чум вливаются свежесть и радость ребенка...²⁶

Володя тайком ведет переписку с главным советским писателем — М. Горьким, который в ответном письме «оценивает» Володю и его товарищей: «Едва ли где-нибудь на земле есть дети, которые живут в таких же суровых условиях, как вы, но будущей вашей работой вы сделаете всех детей земли такими же гордыми смельчаками».²⁷

У образа Володи, как оказалось, был реальный прототип. А. Е. Князева отмечает, что в нем узнается первый житель Игарки: «родившийся в Игарке ребенок Мелешкина стал первым новорожденным нового города. И назвали его родителями Владимиром, так же как звали сына доктора Ивана Ивановича».²⁸ Можно сказать, что в образе Володи, наделенном исключительно положительными качествами, сосредотачиваются представления о том, каким должен быть новый советский человек, на чью долю выпало родиться, расти и жить на Севере как в части уже советского государства. В финале романа Володя попадает на Ленинградский фронт и погибает за общую родину до окончания Великой Отечественной войны.

С ненцами читатель романа впервые сталкивается в той же главе, что и с членами се-

мьи Павловых (том 1, часть 4 «Север», глава 8 «Семейство доктора»). Доктор становится для ненцев не только добрым другом, но и своего рода культурным героем, знакомя их с благами цивилизации, которые северный народ пытается приспособить к привычной кочевой жизни: «В другой раз они явились, чтобы выяснить, как смотрит доктор на примус, — годится ли эта машина в хозяйстве?»²⁹ Более того, мнение доктора является для ненцев авторитетным и в вопросах, связанных с новым политическим устройством государства: «Не все было им ясно в новом, социалистическом строе, и они не вполне доверяли какому-то Ваське-председателю, который в тундровом Совете считался главным специалистом по колхозным вопросам. Так, однажды они приехали, чтобы спросить, как, по мнению доктора, следует поступить с бандитом: самим ли убить его или выдать властям?»³⁰

Сначала Саня Григорьев воспринимает друзей Ивана Иваныча с доброй иронией: «И доктор длинно доказывал, что бандита нужно выдать властям, что примус годится в хозяйстве, и ненцы молча слушали его с серьезным детским выражением. Впрочем, вскоре и мне случилось выступить перед ненцами с большой речью о примусе... но об этом — ниже».³¹ В юмористическом ключе Саня описывает и начало дружбы доктора и ненцев: «Во всяком случае, это была прочная дружба, и доктор рассказывал мне, что она началась после того, как в становище Хабаровов он устроил глистогонный пункт. Это было настоящее торжество медицины. Доктора прозвали “изгоняющий червей”, и слава его разнеслась по тундре...»³² В этих эпизодах показано, как сталкиваются два разных мировоззрения: Саня олицетворяет цивилизацию, а в образах ненцев сосредотачивается мифологическое восприятие действительности. Постепенно герой заводит товарищеские и дружеские отношения с представителями северных народов: в романе есть эпизод, где ненец в качестве штурмана показывает Сане, Лури и Ивану Иванычу дорогу до Ванокана; в конце произведения упоминается о дружбе Григорьева с эвенком Удагиром. Описывая странные впечатления от посещения Полярного, предчувствуя встречу с Катей, Саня отметит свою близость с уже хорошо

²⁵ Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь: в 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 122.

²⁶ Каверин В. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. С. 208.

²⁷ Там же. С. 587, 588.

²⁸ Князева А. Е. Заползьяре в «Двух капитанах» // Энциклопедия романа «Два капитана». М., 2019. С. 282.

²⁹ Каверин В. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. С. 267.

³⁰ Там же. С. 267.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 600.

знакомым северным народом: «Как ненцы, я шел и думал обо всем, что видел».³³

Ненцы изображаются в романе исключительно положительными персонажами. Они одновременно друзья и помощники главных героев и уже советские граждане: попавшим в беду Сане и доктору жертвуют деревянные предметы своего скромного быта, бывшие большой редкостью и ценностью в тундре. При этом их поступки мотивированы не только человеколюбием, но и советской идеологией: один из ненцев решительно и без сожалений отдает Сане главное украшение своего чума — сундук. Отвергая предложение Сани обменять сундук на примус, он говорит: «Я комсомолец, мне ничего не надо. Я на твой примус плевать хотел».³⁴ Другой ненец ведет себя как образцовый советский гражданин: собирается пересказывать соседу содержание газеты «Правды» и даже готов отправиться на фронт.

Каверин создает обобщенный образ ненцев. Всякий представитель этого народа зовется в романе просто ненцем, и только однажды «столетний» охотник, обнаруживший лодку с умершим участником экспедиции Святой Марии, зовется Иваном Вылкой. Однако и в этом, на первый взгляд, исключении видится правило. Во-первых, ясно, что этот охотник намеренно называет себя именем общественного героя своего времени, которое соответствует реальному историческому лицу (Фома Вылка — первый постоянный житель Новой Земли, Тыко Вылка — ненецкий советский художник, сказитель, общественно-политический деятель). Каверин пишет: «На ненецком Севере он был известен не меньше, чем знаменитый Иван Вылка на Новой Земле».³⁵ Во-вторых, единственное звучащее в романе ненецкое имя сочетает в себе традиционное русское имя, использующееся в качестве собирательного для русского человека, с исконной ненецкой фамилией, буквально означающей «житель тундры».

Таким образом, ненец не может быть индивидуалистом, он, как и любой советский гражданин, часть коллектива и часть страны. В то же время нельзя сказать, что каверинские ненцы растворяются в привнесенной советской культуре, речь идет скорее о ее переосмыслении и синтезе в рамках национального: ненцы не изменяют своему традиционному образу жизни.

Прием «скольжения», характерный для романа, относится и к изображению конфликтных отношений между коренным населением и государством. В четвертой части первого тома содержится эпизод, в котором описывается как Саня и Иван Иванович спасают раненого члена окрисполкома Ледкова (от «лед»? — прим. авт.). В него стреляли, а каким образом он получил это ранение («на охоте, а может быть, и не на охоте»³⁶) остается неясным. О стрелке сообщается: «кто стрелял — домой пошел»,³⁷ — из чего следует, что стрелявшим был ненец. Более того, выясняется, что виновник ранения Ледкова вернулся домой с конкретной целью — «думать пошел» и после этой рефлексии «назад придет». Каверин не говорит о природе этого конфликта, а использует его в качестве механизма развития сюжета романа, поскольку ранение Ледкова приводит Саню в ненецкое становище.

Ненцы и северная земля мыслятся свидетелями трагического конца экспедиции капитана Татаринова, хранителями памяти о подвиге экипажа «Святой Марии». Мотив памяти исключительно важен для этого каверинского произведения и, таким образом, является значимым структурным элементом романа. Начало поисков экспедиции и их окончание оказываются неразрывно связанными именно с ненцами: начинаются они в становище Ванокан, а заканчиваются в становище Яптунгай. Именно благодаря им в становище Ванокан Саня находит старый латунный багор со шхуны «Святая Мария», скромно лежавший на снегу среди жердей, из которых строятся чумы. Эта внезапная находка становится для него причиной продолжать поиски пропавшей экспедиции, материальным напоминанием о поставленной перед собой цели, несмотря на разрыв с Катей. То, что расскажут Ледкову ненцы становища Яптунгай, станет решающим эпизодом в поисках экспедиции: «...в прежнее время, когда еще “отец отца жил”, в род Яптунгай пришел человек, который назвался матросом со зверобойной шхуны, погибшей во льдах Карского моря. Этот матрос рассказал, что десять человек спаслись и перезимовали на каком-то острове к северу от Таймыра. Потом пошли на землю, но дорогой “очень шибко помирать стали”. А он “на одном месте помирать не захотел”, вперед пошел. И вот добрался

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 291.

³⁵ Там же. С. 586.

³⁶ Там же. С. 279.

³⁷ Там же. С. 287.

до стойбища Яптунгай».³⁸ После этого рассказа Ледкова Саня сразу указывает на карте точку, где находятся остатки экспедиции капитана Татаринова.

Во всей своей полноте Север предстает перед читателем только во втором томе романа: открывается настоящая панорама развивающейся, несмотря на военное время, советской территории. Некоторые критики и исследователи считают второй том слабее первого, поскольку он кажется им канонично вписанным в соцреалистические установки. Например, Т. А. Круглова отмечает, что именно во втором томе романа меняется фокус авторского и читательского внимания: история Сани Григорьева подкрепляется историей государства, правовой системы и происходит подмена жанра. «Это уже не история о том, как брат из любви к жене брата погубил его, а история о самозванце и воре, укравшем у страны ее национальное достояние»,³⁹ — пишет исследователь. Но это и есть история о самозванце и воре Николае Антоныче, укравшем у страны ее национальное достояние — открытие Северной Земли капитаном Татариновым — и присвоившем себе его посмертную славу. Дело, как нам кажется, не в воспроизведении соцреалистических стереотипов, а в том, что во втором томе действительно личный конфликт героев перерастает в экзистенциальный и общественный.

Военная тема тесно переплетается с темой освоения Арктики. Еще в первой книге, где события разворачиваются до Великой Отечественной войны, во время подготовки к поисковой партии, сорванной из-за доноса на летчика Г., Саню и Катю навещает военный моряк, имя которого она не запоминает. Он пытается убедить героев в том, что капитан Татаринов «прекрасно понимал, что в основе каждой полярной экспедиции должна лежать военная мысль».⁴⁰ Во втором томе романа война, которую предвидел капитан Татаринов, «уже идет в таких местах, где прежде кочевали одни гидрографы да белые медведи».⁴¹

Если раньше о стратегической важности Севера для страны рассуждают капитан Татаринов, Саня Григорьев и безымянный военный моряк, то с наступлением военного време-

ни это становится очевидным для всей страны. В этом отношении показателен диалог между Саней и Иваном Ивановичем уже в военном Полярном, когда они рассуждают о новом поколении, которое «мало думает о будущем Севера и еще меньше о его прошлом».⁴² Доктор заключает: «А что Север — фасад наш, как писал Менделеев, для меня никогда еще не было так очевидно, как теперь, во время войны!»⁴³

Потом, уже из рассказа Сани, читатель узнает, что загадочным моряком был преподаватель училища Фрунзе гидрограф Р., появление которого в жизни главного героя снова станет крутым поворотом в сюжете романа. После встречи с ним Саня думает: «Но там, на Севере, нужно мне быть, защищая края, которые я понимал и любил».⁴⁴ Возвращаясь на Север через Архангельск, откуда Иван Татаринов начал свое путешествие, Саня словно проходит его же путь, а город Седова и Брусилова ему об этом напоминает: герой посещает дом, в котором жил капитан, пока собиралась шхуна, музей, где целый отдел посвящен «Святой Марии». Обнаружив, что первый русский ледокол, выпущенный на воду в 1907 г., еще несет свою службу, Саня буквально видит материальное воплощение тесной связи прошлого и настоящего: «“Еще ничего не кончилось”, — как будто сказал мне этот старый буксир с таким румяным, молодым капитаном».⁴⁵ Именно Р. и предложит Сане вернуться на Север, где он и найдет экспедицию, встретится с пропавшей Катей и в полной мере реализует себя в профессии, ведь «нигде не проявились с таким блеском качества русского летчика, как на Севере».⁴⁶

В финале «Двух капитанов» советский Север живет в ногу со временем: теперь, когда промышленное и стратегическое значение Севера осознано, неосвоенное ранее пространство превращается в цивилизованный, современный и населенный край. Так, Саню поражает картина Медвежьего Лога, где когда-то стоял только единственный чум его приятеля звенка Удагира: «...раскинулись два великолепных, просторных квартала двухэтажных домов: мне представилось, что в здешних местах уже как бы перекинут мост между “до войны” и “после войны”». Отразившая нападение и победившая жизнь с прежним суровым упрямством

³⁸ Там же. С. 588.

³⁹ Круглова Т. А. «Два капитана»: 35 лет спустя // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2003. № 28. С. 208.

⁴⁰ Каверин В. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. С. 420.

⁴¹ Там же. С. 540.

⁴² Там же. С. 577.

⁴³ Там же. С. 578.

⁴⁴ Там же. С. 541.

⁴⁵ Там же. С. 569.

⁴⁶ Там же. С. 571.

утверждала себя в великой северной стройке». ⁴⁷ Саня скажет, что экспедицию они обнаружили «в районе, над которым десятки раз летали наши самолеты, везя почту и людей на Диксон, машины и товары на Нордвик, перебрасывая геологические партии для розыска угля, нефти, руды». ⁴⁸ На антитезе «старое — новое» строится рассказ героя и дальше: он размышляет о том, что если бы капитан Татарин теперь оказался в устье Енисея, то увидел бы «десятки огромных морских судов», на островах обнаружил бы «электрические маяки и радиомаяки», услышал бы «наутофоны, громко гудящие во время тумана и указывающие путь кораблям», а через 300–400 километров вверх по Енисею его встретила бы Заполярная железная дорога, соединившая Дудинку с Норильском, «новые города, возникшие вокруг нефтяных промыслов, вокруг шахт и лесозаводов». ⁴⁹

Таким образом, сущность колонизации Севера в романе «Два капитана» можно определить как освоение неосвоенного пространства, в котором важное место отводится идеологии просвещения, взаимодействие между коренными жителями и цивилизаторами-переселенцами, продуктивное как в личной сфере, так и в сфере государственных интересов. Север становится уникальным местом, где органично соединяются два начала — цивилизационное (культура и быт) и архаическое («природность» жизни коренных северных народов). Субъектная организация повествования становится для Каверина возможностью «поднять флаги романтики» над реальностью и воплотить в искусстве собственные представления об истине. Именно поэтому на протяжении всего повествования вместе с совершенствованием, развитием и духовным ростом главного героя позитивные изменения происходят и с Севером.

Marina Ch. Larionova

Doctor of Philological Sciences, Federal Research Centre, Southern Scientific Centre of the RAS (Russia, Rostov-on-Don)
E-mail: larionova@ssc-ras.ru

Alla R. Lisitsa

Specialist, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)
E-mail: aldolgova@sfedu.ru

THE NORTH AND ITS COLONIZATION IN THE NOVEL
“THE TWO CAPTAINS” BY V. A. KAVERIN

The article covers the topic of the Soviet Northern Development in the novel “The Two Captains” by V. A. Kaverin. Using the literary means of ‘sliding’, as the writer names it, V. A. Kaverin focuses on the fates of the characters, not on the historical events. The search for the expedition of Captain Tatarinov, having started with Sanya Grigoryev’s attempt to make out his case over the causes of the “St. Mary” shipwreck, leads to the comprehension that the Arctic is of great significance for the entire country. The indigenous inhabitants of the North and “the colonizers”, the new inhabitants, are depicted as one society. An ideal hero of the epoch is Volodya, the son of the doctor Ivan Ivanovich; Volodya is a Soviet citizen whose small homeland is a new northern town. The main values of the territories already colonised are not so much improved living conditions as education and culture. The representatives of the indigenous peoples, Nenets and Evenks, become friends and helpers to the main characters as together they search for the “St. Mary” expedition. The life of the North is conditionally divided into two stages (pre-Soviet and Soviet) and is subject to the system of oppositions “then–now”, “old–new”. Special attention to the North is paid in the novel’s Volume II, which narrates the events of the Great Patriotic War. The war theme is intrinsically linked to the one of the North, since the characters become fully aware of the strategic importance of the Arctic. Thus, the development of the North in the novel “The Two Captains” is shown as a positive process which contributes to increment of the territories, unification of peoples, and strengthening of the state. An important role is given to the ideology of enlightenment allowing to unite civilization and nature in a harmonious way.

⁴⁷ Там же. С. 577.

⁴⁸ Там же. С. 594.

⁴⁹ Там же. С. 595.

Keywords: V. A. Kaverin, “The Two Captains”, colonization, North, indigenous people, Great Patriotic War

REFERENCES

- Belyaev D. P. [The Novaya Zemlya Archipelago in the 19th and First Third of the 20th Century: State and Development]. *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], 2004, no. 3, pp. 162–181. (in Russ.).
- Bugaeva L. [Arctic Myth in the 1930s Soviet Culture and its Revival]. *Zvezda* [Star], 2018, no. 8. Available at: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3349> (accessed: 10.06.2023). (in Russ.).
- Bykov D. L. [The North as the Main Character]. *Entsiklopediya romana “Dva kapitana”* [Encyclopedia of the Novel “The Two Captains”]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2019, pp. 7–25. (in Russ.).
- Ginzburg L. Ya. *Literatura v poiskakh real’nosti* [Literature in Search for Reality]. Moscow: Sovetskiy pisatel’ Publ., 1987. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Fenomen kolonizatsii* [Phenomenon of Colonization]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2015. (in Russ.).
- Knyazeva A. E. [The Arctic in “The Two Captains”]. *Entsiklopediya romana “Dva kapitana”* [Encyclopedia of the Novel “The Two Captains”]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2019, pp. 280–288. (in Russ.).
- Kruglova T. A. [“The Two Captains”: 35 Years Later] *Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural State University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2003, no. 28, pp. 205–210. (in Russ.).
- Literaturnyye manifesty: ot simvolizma do “Oktyabrya”* [Literary Manifestos: From Symbolism to “October”]. Moscow: “Agraf” Publ., 2001. (in Russ.).
- Nabok L. I. [The Arctic and Arctic Peoples in the Novel by V. A. Kaverin “The Two Captains”]. *Entsiklopediya romana “Dva kapitana”* [Encyclopedia of the Novel “The Two Captains”]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2019, pp. 430–457. (in Russ.).
- Novikova O. I., Novikov Vl. I. *V. Kaverin: Kriticheskiy ocherk* [V. Kaverin: A Critical Essay]. Moscow: Sovetskiy pisatel’ Publ., 1986. (in Russ.).
- Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi. Biobibliograficheskiy slovar’: v 3 t.* [Russian Literature of the 20th Century. Prose Writers, Poets, Playwrights. Biobibliographical Dictionary: In 3 vols.]. Moscow: OLMA-PRESS Invest Publ., 2005, vol. 2. (in Russ.).
- Sokolov K. S. [Hero of the Asian Frontier in Soviet Poetry of the Late 20s–30s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian And Foreign Philology], 2019, vol. 11, iss. 4, pp. 123–130. DOI: 10.17072/2073-6681-2019-4-123-130. (in Russ.).
- Для цитирования: Ларионова М. Ч., Лисица А. Р. Север и его колонизация в романе В. А. Каверина «Два капитана» // Уральский исторический вестник. 2023. № 4(81). С. 43–51. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-43-51.
- For citation: Larionova M. Ch., Lisitsa A. R. The North and Its Colonization in the Novel “The Two Captains” by V. A. Kaverin // Ural Historical Journal, 2023, no. 4(81), pp. 43–51. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-43-51.